

Литературные занятия Ивана Максимовича

Забвение литератора петровской эпохи Ивана Максимовича произошло по нескольким обстоятельствам. Прежде всего, саму личность И. Максимовича заслонил более известный и несравненно более плодотворный как писатель его дядя, митрополит Иоанн Максимович, и заслонил настолько, что даже созданный племянником десять лет спустя после смерти дяди латинско-русский словарь до сих пор иногда приписывается Иоанну Максимовичу.¹ Другое произведение И. Максимовича упоминается в литературе как анонимное, так как его имя уже на начальном этапе истории текста оторвалось от произведения. Наконец, его литературная деятельность, которая охватывает немногим более десяти лет, была слишком разнообразна: он был одновременно поэтом, переводчиком, лексикографом, редактором, библиотекарем, т. е. типичным литератором петровского времени. Эта типичность, зависимость от внешних обстоятельств сказала уже в том, что И. Максимович в начале жизненного пути вообще, очевидно, не помышлял о литературном поприще, так как ему была предуготована политическая карьера.

Иван Петрович Максимович родился, очевидно, в 1670-х гг. на территории Нежинского полка и принадлежал к третьему колену семьи Максимовичей-Васильковских, давшей русской культуре нескольких деятелей.² В самом начале XVIII столетия он окончил Киево-Могилянскую академию и поступил войсковым канцеляристом в Нежинский полк, где полковым судьей служил другой его дядя, Дмитрий Максимович Максимович. По мере того как последний приобретал все больший вес, возвышался и его племянник, на которого вскоре обратил внимание И. Мазепа, сделав своим доверенным лицом. В ходе Северной войны И. Максимович выполнял некоторые дипломатические поручения гетмана, например, в 1704 г. ездил посланником к польскому королю Августу II.

Связав свою судьбу с Мазепой, Максимович был вынужден разделить ее до конца. После Полтавской битвы он бежал вместе с гетманом в Бендеры. Вскоре последовала смерть Мазепы. Новым гетманом запорожского войска, бежавшего с Карлом XII от прусской армии, в апреле 1710 г. был избран бывший генеральный писарь Филипп Орлик, а генеральным писарем при нем стал Максимович.³ В декабре 1711 г. Макси-

¹ Примером такой путаницы является статья в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (СПб., 1894, т. 26, с. 715), в которой практически нет верных сведений, начиная уже с того, что она помещена в алфавите на «Иоанн», хотя И. Максимович не был духовным лицом. Совсем недавно М. И. Слуховский в общих чертах восстановил биографию И. Максимовича, однако ему остался неизвестен ряд печатных и рукописных материалов, на которых и построена настоящая работа; см.: Слуховский М. И. «Каталог универсальный» 1727 г. — В кн.: Археографический ежегодник за 1979 г. М., 1981, с. 75—85.

² См.: Милорадович Г. А. Малороссийское дворянство. Чернигов, 1890, с. 26; Максимович И. Сборник сведений о роде «Максимович». Рига, 1897, с. 67—74; Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев, 1912, т. 3, с. 302—303.

³ Костомаров Н. Мазепа и мазепинцы. СПб., 1885, с. 623.

мович вошел в состав посольства из шести человек, которое отправилось в Константинополь благодарить Оттоманскую Порту за «благоденствия, оказанные малороссийскому народу» и просить дальнейшего заступничества. Но к этому времени дело мазепинцев было уже проиграно: прощенные Петром I казаки возвращались на Украину, и константинопольское посольство понемногу оказывалось в изоляции. В Константинополе им противодействовали русские послы П. П. Шафиров и П. А. Толстой, которые, кстати, сообщили об их миссии Петру I. Последний приказал гетману И. Скоропадскому выслать семьи представителей Орлика в Москву, что и было выполнено в апреле 1712 г. Среди высланных был и брат И. Максимовича, Степан. Оказавшись в Москве, они стали писать письма родственникам в Константинополь, уговаривая их вернуться. Но страх перед наказанием держал неудачливых посланников Орлика в Константинополе. Однако полная бесперспективность дальнейшего пребывания в столице Порты, опасения за судьбу родственников, оказавшихся в Москве, вынудили их искать путей возвращения на родину.

Посланники обратились с просьбой о посредничестве к иерусалимскому патриарху, о чем П. П. Шафиров сообщал Петру I в августе 1713 г. Наконец их просьба была удовлетворена. В начале 1714 г. русские послы выдали Горленко, Максимовичу и другим документы об амнистии, а в марте они отправились на родину. На Украине, однако, они пробыли недолго, так как в документах им предписывалось жить безвыездно в Москве.

Первые годы жизни в Москве для кучки прощенных мазепинцев были особенно тяжелы, кормовых денег им не отпускалось, на службу их не определяли.⁴ Только после челобитной, поданной в сентябре 1715 г., они стали получать незначительные деньги. Оказавшись в трудном положении, бывшие посланники стали писать письма родным, упрашивая их выслать в Москву разные «припасы». Среди сохранившихся писем есть и письмо И. Максимовича к сестре.⁵ Это единственный образчик его эпистолярного стиля, в котором ярко рисуется картина жизни в Москве обманутого «лестию мазепиною» бывшего генерального писаря (текст письма см. в Приложении).

В этом письме тяжелое положение Максимовича преувеличено, что вполне понятно — иначе трудно надеяться на присылку «запасов». Отсюда и появляются в письме «кравые уста», «меленхолия» и «мизерия». Подчеркивая свою «последнюю нищету», Максимович, однако, неоднократно упоминает о «монаршей милости и прощении», чтобы у сестры и родных не возникло сомнений в его политической благонадежности: он свободно живет в Москве и, возможно, скоро возвратится на Украину. Наконец, в письме речь идет и о «ходатаях»: земляки, знакомые семьи не оставили его вниманием и заботой. Отметим, что среди них есть видные лица церковной иерархии: тверской епископ Варлаам Косовский и бывший сибирский митрополит Филофей Лепчинский.

В 1716 г. положение Максимовича, надо думать, поправилось: ему выдавались деньги, «запасом и денежками» помогали знакомые, возможно, были присланы с Украины «сало, пшено, винце... и тютюнец», а хлопоты знакомых позволяли надеяться и на возвращение. Однако энергичная натура Максимовича, несомненно страдала от бездействия. Поскольку к службе он определен царем не был, то бывший войсковой канцелярист сам нашел себе занятие, к которому определения не требовалось, — литературу.

Первое известное нам произведение Максимович закончил в 1718 г. Это были «Желания благоговейные» — перевод книги иезуита Германа

⁴ Пуле М. Ф. де. Малороссийские эмигранты при Петре Великом. — Вестник Европы, 1872, № 5, с. 63—92; Костомаров Н. Мазепа и мазепинцы, с. 674—676.

⁵ ЦГАДА, ф. 124, 1716 г., № 5, л. 3—4 об.

Гуго (1587—1629) «*Pia desideria*» (1624). Сам выбор Максимовича вполне понятен: соответствующие его настроению медитативные элегии брюссельского мистика были исключительно популярны в Европе и до середины XVIII в. выдержали более 40 изданий на латинском языке.⁶ Еще в XVII в. эта книга была переведена на несколько европейских языков, получила распространение и в славянских странах.⁷ Эмблематический сборник Г. Гуго стал образцом сочинений этого рода и в русских духовных училищах. Так, с конца XVII до середины XVIII в. он высоко ценился в Киево-Могилянской академии (Георгий Конисский цитировал элегии Гуго в своем переводе).⁸ Отсюда, очевидно, он стал известен и в России, где его переводил И. Максимович, а позднее, в 1790-х гг., префект Тверской семинарии Михаил Ильинский.⁹ С самим произведением Максимович познакомился еще в киевской академии и без труда, надо полагать, раздобыл книжку в Москве: она была в библиотеке Стефана Яворского,¹⁰ который знал Максимовича и позднее помогал ему устроиться на службу.

О переводе впервые сообщил в научной печати А. С. Грузинский (1881—1954), изучивший рукопись Нежинского историко-филологического института.¹¹ Его краткая заметка, в которой был указан оригинал перевода, по сути дела лишь информировала о существовании рукописи, в которой отсутствует имя переводчика и перевод датирован 1728 г.¹² В настоящее время известно четыре списка «Желаний благоговейных», в трех (в четвертом отсутствует титульный лист) перевод анонимный и датирован 1728 г.¹³ Для предлагаемой нами атрибуции и передатировки перевода имеются неопровержимые данные.

⁶ Landwehr J. Dutch Emblem Books: A Bibliography. Utrecht, 1962, p. 33—34; Praz M. Studies in Seventeenth-Century Imagery. London, 1947. Vol. 2. A Bibliography of Emblem Books, p. 83—85.

⁷ Чижевский Д. К проблемам литературы барокко у славян. — *Litteraria*, Bratislava, 1971, т. XIII, с. 23—24; Pelc J. *Obraz-slowo-znak: Studium o emblematach w literaturze staropolskiej*. Wrocław, 1973, s. 165.

⁸ См.: Петров Н. О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 г. — *Труды Киевской духовной академии*, 1867, № 1, с. 96—97.

⁹ Стихотворения, выбранные из сочинения Германа Гугона Благочестивые желания. М., 1795.

¹⁰ См.: Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914, с. XXXVI, № 536/73.

¹¹ Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Нежин. Киев, 1914, с. 38.

¹² Исхода из сообщенных А. С. Грузинским данных, Д. И. Чижевский не исключал возможности использования польского перевода (очевидно, А. Т. Ляцкого, 1673 г.); см.: *Tschizewskij D. Emblematische Literatur bei den Slaven*. — *Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen*, Bd 201, H. 3 (1964), S. 179.

¹³ ГПБ, собр. Титова, № 4492, первая треть XVIII в., в 4-ку, I+154 л., полуустав, переплет картонный с кожаным корешком и наугольниками. Филигрань: герб г. Амстердама (без постамента и букв). В рукописи недостает нескольких листов, в том числе титульного; листы без текста (подклеенные для реставрации рукописи): 3, 5, 16, 24, 51—53, 64, 67, 77, 83, 99, 102, 103, 108. Судя по всему, вырывались листы с перерисованными из латинского оригинала гравюрами, из 46 гравюр оригинала в рукописи только 33 рисунка. Запись на л. 154 об. «Сия книга принадлежит села Анатипа Лалгиского уезда Ефрему Степанычу Горбунову, его детям для божьих дел» с небольшими изменениями повторена на л. 153 об.

ГПБ, собр. ОЛДП, Q.665, третья четверть XVIII в., в 4-ку, 143 л., скоропись, переплет — картон в коже. Филиграния: 1) *Pro Patria*, буквы ГУБР и ВСГП — 1754 г. (Клепиков, Филигр. и штемп., № 213); 2) *Pro Patria*, буквы ГУБР и ФСМП — 1762—1776 гг. (Клепиков, Филигр. и штемп., № 221). Рисунков в рукописи нет, но для них оставлены места, и сделаны подписи. На л. 142—143 об., на верхней и нижней внутренних крышках переплета записи хозяйственных счетов и затертая владельческая запись «Николаяву»).

ГПБ, собр. Михайловского, Q.118, 1740-е гг., в 4-ку, IV+119 л., украинская скоропись, переплет — картон в коже, на корешке тиснение «*Pia desideria*». Филигрань: КОМЕРЦЬ/КОЛЕГИИ — 1738, 1746 гг. (Клепиков, Филигр. и штемп., № 309). Запись на л. III: «*Protodiakon Petry Synkoffsky*». Иллюстраций нет, оставлено место только для двух первых рисунков.

За полтора десятилетия до А. С. Грузинского А. Е. Викторов сообщил о другом списке перевода из собрания Нижегородской семинарии. В этом списке, местонахождение которого нам неизвестно, не только указано имя переводчика (И. Максимович) и дата перевода (1718 г.), но и сказано, что перевод выполнен по изданию 1694 г.¹⁴ Сведения, сообщаемые этим списком, подтверждаются собственным признанием И. Максимовича в предисловии к составленному им в 1724 г. латинско-русскому словарю. Объясняя причины, побудившие его приняться за составление словаря, Максимович пишет: «Хотящ бо в многоятежном жития моего состоянии мысль свою унывающую врачевати, вознамерих ради упразднения ея некоего, книжицу „Желания благоговейная“, латинскими стихами изображенную, славено-росийскими превести виршами. Начатое дело аще и соверших, обаче не без трудности, никим же латино-славенскаго лексикона подкрепляем помоществованием».¹⁵ Далее составитель словаря говорит, что «аз настоящему труду чрез шесть лет подлежя».¹⁶ Так как словарь был окончен в 1724 г., то приступил он к его составлению в 1718 г., как раз после завершения перевода «Желаний благоговейных».

Первый литературный опыт И. Максимовича замечателен в разных отношениях. Охарактеризуем его кратко, поскольку сейчас он нас занимает прежде всего как факт биографии Максимовича. В истории переводной новолатинской поэзии рубежа XVII—XVIII вв. рядом с «Желаниями благоговейными» можно поставить, учитывая объем предпринятого труда и мастерство, с которым он выполнен, только переводы Мардария Хоникова (1679) из Библии Николая Пискатора и анонимный перевод (1730) «Притч правоучительных о добродетели и фортуне» С. Х. Любомирского. По своей тематике «Желания благоговейные» — религиозно-эротические элегии, единственный образец широко распространенного вида европейской новолатинской поэзии, появившийся в русском переводе. С этой точки зрения они могут быть сопоставлены лишь с шестью небольшими стихотворениями на Песнь песней из упомянутого перевода Мардария Хоникова.¹⁷ Эту особенность оригинала, для православного читателя непривычную и неприемлемую,¹⁸ переводчик несомненно учел, так как сохранил структуру сборника: не только переведены элегии, но перерисованы иллюстрации, а также переведены соответствующие цитаты из псалмов или Песни песней, служащие как бы эпиграфами к элегиям, т. е. сохранено единство эмблемы — надпись — изображение — подпись. Если бы это условие не было выполнено, то религиозная лирика иезуита-мистика могла превратиться в откровенную любовную лирику.

Высокая филологическая культура характеризует всю работу Максимовича от деталей (перевод цитат-надписей взят из Библии московской печати 1663 г.) до решения общих проблем: в своем эквилинейрном переводе Максимович использовал 13-тисложник со смежной рифмовкой,¹⁹ ориентируясь на стилистику современной ему силлабики (типа стихо-

БАН, Тек. пост., № 624, 1734 г., в 4-ку, скоропись, без переплета. Иллюстраций нет. Рукопись описана в кн.: Описание рукописного отдела БАН СССР, т. 4, вып. 2: Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения XVII—первой трети XIX в. / Сост. И. Ф. Мартынов. Л., 1980, с. 76—77. Есть основания полагать, что это рукопись Нежинского историко-филологического института (см. примеч. 11).

¹⁴ См.: Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, с. 320. В библиотеках Москвы и Ленинграда издания «*Pia desideria*» 1694 г. мы не обнаружили и пользовались изданием 1627 г. (ГБЛ).

¹⁵ БАН, 32.6.2, л. XI.

¹⁶ Там же, л. XV.

¹⁷ См.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970, с. 181—183 (Биб-ка поэта, больш. сер.).

¹⁸ Примером оппозиции религиозной эротике является стихотворение протопопа Аввакума «О душе моя...»; см.: Панченко А. М. Протопоп Аввакум как поэт. — ИЮЛЯ, 1979, т. 38, № 4, с. 303.

¹⁹ «Нашим эксаметром» назвал его позднее В. К. Тредиаковский. Феофан Прокопович, правда, считал, что «для сочинений элегий на нашем родном языке нац-

творения Стефана Яворского «Ты облеченна во солнце Дево Богомати») и чутко вслушиваясь в звучание стиха (например, «меримое мерилу меньшее вменяю»).²⁰

Иван Максимович сам указал причину, побудившую его приняться за перевод: «...в многмятежном жития моего состоянии мысль свою унывающую врачевати, ... ради упразднения ея некоего». Обстоятельства его жизни не позволяют ставить под сомнение искренность этого заявления, хотя оно и облечено в распространенную формулу «врачевания» литературой, известную по «вертоградцам» XVII в. и особенно эпистолярной литературе («целба души» — постоянный мотив посланий). Отличие от древнерусских вариаций этого мотива заключается в том, что это «самоврачевание».²¹ Но дилетантское начало литературной деятельности Максимовича никак не повлияло на окончательный результат, который выглядит гораздо основательнее последующего перевода М. Ильинского и включает, кстати, перевод не только элегий, но и приложенного к книге мифологического комментария. В первом литературном опыте бывшего войскового канцеляриста виден высокий профессионализм — следствие хорошей выучки в «киевских Афинах».

Закончив в 1718 г. перевод «Желаний благоговейных», Максимович тут же принимается, и опять по собственной инициативе, за составление огромного латинско-русского словаря.²² Об этом словаре упоминалось в литературе неоднократно, но ни одной специальной работы о нем нет, поэтому в этих упоминаниях есть несколько недоразумений, идущих еще от каталогов XVIII в., в которых автором словаря значился Иоанн Максимович.²³ На основании только имени митрополит Евгений Болховитinov первым приписал составление словаря митрополиту Иоанну Максимовичу. Между тем посвящение Екатерине I, которое идет перед предид-

более подходящим представляется стих hendecasyllabus, или одиннадцатисложный) (Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961, с. 440). Однако 13-тисложником воспользовался позднее и Георгий Конисский.

²⁰ Хотя основная стихия перевода церковнославянская, в языке перевода, конечно, отразилось происхождение Максимовича, как в лексике (промень от солнца, ботан, ссала, зегарным колом, повабны, хвиля и т. д.), так и в рифмовке (стрѣлы — прославили, болѣзни — жизни, имѣя — Алексия, плоти — охоты, владыки — человек и т. д.).

²¹ «Воздыхания души любящей» и «стенания души кающейся» Г. Гуго давали достаточно оснований переводчику для «самоврачевания». Так, последняя элегия книги на стих 136-го псалма «Тако воспоем песнь господню на земле чуждей» заканчивается следующими стихами в переводе Максимовича:

Где бо есмь? и отчество егда размышляю,
Увы мне! от болезни всегда умираю;
Обы ся к отчеству когда возвратити,
Всем сердцем и всем гласом должна бых воспети.

При биографическом толковании этих строк разница между подразумеваемой «небесной отчизной» и Украиной стирается, последняя становится более притягательной и желанной. Описанное психическое состояние и в позднейшие эпохи бывало толком к творчеству (см.: Парандовский Я. Алхимия слова. М., 1972, с. 29—32). Примечательно, что М. Ильинский, когда в конце XVIII в. переводил эту же книгу, писал:

.....чтоб рассеять грусть,
Когда печаль моим всем сердцем овладела,
Чтоб мысль занять, облек я песни в русский стих.

(Стихотворения, выбранные из сочинения Германа Гугона Благочестивые желания. М., 1795. В посвящении митрополиту Платону Левшину).

²² БАН, 32.6.2; ГПБ, Разнояз., Q.XVI.21. Воспроизведение титульного листа и фрагмента предисловия см.: Новый сборник палеографических снимков с русских рукописей XI—XVIII вв. / Под ред. А. И. Соболевского. СПб., 1906, № 64; Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела библиотеки Академии наук. М.; Л., 1956. Вып. 1. XVIII век, вклейка между с. 106 и 107.

²³ Голиков И. Деяния Петра Великого. М., 1789, ч. 9, с. 480; Кобленц И. Н. Андрей Иванович Богданов. 1692—1766. М., 1958, с. 159.

словием, подписал «московской типографии справщик Иван Максимович». В дальнейшем ошибочная атрибуция получила распространение и соединилась с другой ошибкой: словарь стал считаться опубликованным.²⁴ Наконец, неверно указывались источники словаря, считалось даже, что Максимович перевел словарь А. Калепина,²⁵ действительно известный в переводе XVII в. Хотя П. П. Пекарский еще в 1862 г. исправил ошибку Евгения Болховитинова, привел значительные выдержки из предисловия к словарю и некоторые архивные данные о его составителе,²⁶ ошибочная атрибуция и по сей день встречается в литературе.²⁷

Предисловие к словарю, параллельно на латинском и русском языках,²⁸ является, пожалуй, единственным описанием техники лексикографической работы XVII—первых десятилетий XVIII в. В данном случае предисловие для нас интересно не столько детальным описанием лексикографических принципов, их аргументацией, а также критикой источников, использованных составителем, сколько содержащимися в нем данными о творческой биографии Максимовича.

Завершив перевод «Желаний благоговейных», и завершив его «не без трудности, никим же латинославенского лексикона подкрепляем помоществованием», Максимович взялся за составление словаря с той же целью, с какой он переводил Г. Гуго: «...тоскливое время мое иждивати на чтении священных книг латинских, купно и славенских, ради удобнейшаго в сидевых преводех искусства». Несмотря на опять-таки любительский характер этого предприятия, Максимович трудился усердно и с высоким профессионализмом: «И не токмо сидевому прилежащ чтению, вся еже внятию моему неудобна вменяхуся отменяя, но и отмеченная преписовая и по чину алфавита чинопологая, неколико иждивих лет, вознамерен бо бех краткое собрание во образ лексикона латинославенского собственной ради нужды и пользы своей составить». Только после нескольких лет работы, когда в 1721 г. вышел «Духовный регламент», Максимович увидел в Петре I «мецената» и «мудролюбца» и тогда решил «общественной возугодити ползе». Он, конечно, понимал, что это был и единственный в его положении способ поправить свое «плачевное состояние».

Случай представился скоро. На празднества, связанные с победой в Северной войне, двор и Синод прибыли в Москву. Максимович сумел показать свой уже наполовину готовый словарь «того ж святейшаго синоду вице-президенту, сиятельному и премудрейшему мужу, его преосвященству кнр Феофану Прокоповичу, архиепископу псковскому и нарвскому, иже сообщил оный всему в собрании святейшему синоду». Синод одобрил словарь, и Феофан передал Максимовичу, чтобы он «начатое дело восприятым трудом совершити потщался».

Ободренный таким решением, Максимович еще усерднее принялся за «многоскупный и долговременный подвиг». В предисловии он признавался: «Аз настоящему труду чрез шесть лет подлежа, пбо первые три лета на чтении книг, яко выше воспоминах, потом от составления святейшаго синода се уже третий год в сочинении сего дела изнуряю и вся дни и вся нощи непрестанно и з самым малейшим иногда плоти упо-

²⁴ См.: Абрамов Н. Иоанн Максимович, митрополит тобольский и сибирский. — ЖМНП, 1850, ч. 68, отд. 5, с. 11; Очерки истории СССР: Период феодализма (Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра). М., 1954, с. 669—670.

²⁵ См.: Петров Описание рукописей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев, 1875, вып. 1, с. 31.

²⁶ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862, т. 1, с. 191—197. На данных П. П. Пекарского основывался С. К. Булич (см.: Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, т. 1 с. 199—200).

²⁷ См.: Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва. М. 1978, с. 28.

²⁸ БАН, 32.6.2, л. VIII—XXI об. Все цитаты приводятся по этому списку.

коением на сие дело иждивая, тяжкими недуги на всяк год одержим бех, паче же сими тремя последними леты. И первого суффусию или темную воду очесам случайную, втораго — звук во ушесех, третiego — скорбут, или цынготную болезнь теми приснорачительными стяжах себе трудами». Условия жизни Максимовича были, конечно, нелегки, да и сама лексикографическая работа требовала больших усилий. Это со всей определенностью и уважением к труду лексикографа выразил Феофан Прокопович в известной эпиграмме «К сложению лексиков»:

Если в мучительския осужден кто руки,
ждет бедная голова печали и муки.
Не вели томить его делом кузниц трудных,
ни посылать в тяжкия работы мест рудных.
Пусть лексикс делает: то одно довлеет,
всех мук роды сей один труд в себе имеет.²⁹

Вполне возможно, что Феофан переводил латинскую эпиграмму Ю. Скалигера после знакомства с предпринятым трудом Максимовича и с обстоятельствами его жизни.

«Тяжкие недуги» и изнурительные «приснорачительные труды» несомненно были, и все же в последнем признании Максимовича есть преувеличения. Во всяком случае, «вся дни и вся ноци непрестанно» последние годы трудиться над словарем он не мог. Дело в том, что старания доброхотов Максимовича в какой-то мере увенчались успехом: в 1722 г. он был определен к месту. Возможно, свою роль сыграло знакомство Максимовича с Феофаном Прокоповичем и последовавшее за ним решение Синода.

После учреждения Синодом в феврале 1722 г. типографской конторы в школе того же года протектором над типографиями и школами был назначен Гавриил Бужинский, давний знакомый Максимовича. Принявшись за дело, он обнаружил в типографиях, в том числе и московской, финансовые злоупотребления и пытался их искоренить. Благодаря его стараниям в ноябре 1722 г. директор московской типографии Ф. Поликарпов был отстранен от занимаемой должности с обязательством выплатить казне огромный долг. Одновременно Гавриил Бужинский старался обновить состав сотрудников типографии, и по его представлению 26 октября, незадолго до увольнения Поликарпова, Максимович был принят в типографию справщиком с жалованьем 110 рублей. В решении Гавриила видно желание не только обеспечить московский Печатный двор знающими людьми, но и пристроить «родного человечка».

Из редакторских работ Максимовича сейчас известны две. В январе 1724 г. он вместе с другими справщиками закончил сличение Цветной Триоди (Киев, 1723) с московскими изданиями,³⁰ а потом вместе с Иосифом Кречетовским правил язык и стиль перевода А. К. Барсова «Аполлодора грамматика афинейскаго библиотеки или о богах»,³¹ изданного затем в 1725 г. Одновременно Максимович заканчивал составление своего словаря. Работа на Печатном дворе открыла перед ним двери крупнейшей библиотеки страны, в которой он нашел необходимые европейские³² и русские рукописные словари.³³ Но этими занятиями круг обязанностей

²⁹ Феофан Прокопович. Сочинения, с. 224, ср. с. 489. Если предположение о связи этой эпиграммы с трудом Максимовича справедливо, то можно предположить, что эта ранее не датированная эпиграмма написана в 1722 г.

³⁰ См.: ЦГИА, ф. 796, оп. 5, № 49.

³¹ См. наборный экземпляр с правкой: ЦГАДА, ф. 381, № 1015. (Сообщено Л. И. Сазоновой).

³² В основном Максимович пользовался вторым томом польско-латинско-греческого словаря польского лексикографа Г. Кнацкого (1564—1639), который содержит латинско-польскую часть, причем подверг его подробному критическому разбору в предисловии к своему словарю.

³³ См. их описание: Библиотека московской синодальной типографии, ч. 1, вып. 2: Сборники и лексиконы / Описал В. Погорелов. М., 1899, с. 87—108.

Максимовича не ограничивался. В силу устного указа Петра I (1722) двум справщикам типографии, А. Иванову и И. Максимовичу, было поручено составление каталога огромнейшей библиотеки, причем основное бремя работы было возложено на последнего.

«Каталог универсальный книгам, которые в библиотеке московской типографии находятся» сохранился в двух полных списках.³⁴ Подробно останавливаться на его характеристике нет нужды, так как каталог неоднократно изучался в XIX—XX вв.³⁵ Отметим только, что разработанная Максимовичем подробная классификация, в которой учтены язык книги, формат, алфавитный порядок, и тщательное выполнение каталога ставят его на первое место в ряду аналогичных трудов в России XVII—первой трети XVIII в. До XIX в. он был основным каталогом книжных фондов типографской библиотеки, сохранились и лестные отзывы о нем иностранцев, посещавших библиотеку в конце XVIII в.

Хотя каталог сочинялся в соответствии с указом «в крайней скорости», работа над ним затянулась почти на пять лет. Максимович трудился основательно и с большой ответственностью: «Понеже я, трудившись в описании сея библиотеки и сочинении сего книг каталога, кроме латинского, польского и своего природного языка славенского иных языков не сведом, того ради многажды просил я своих начальников, дабы переводчиков, чужестранных языки сведущих, к сему делу мне придали в помощь».³⁶ После завершения каталогизации библиотеки Максимович стал ее хранителем и уже готовился к новому труду, задуманному им опять самостоятельно, — к составлению «особой табели летописцом», хранившимся в библиотеке. Но этот замысел выполнен не был.

В феврале 1726 г. Синод освободил Гавриила Бужинского от должности протектора и упразднил саму должность, а в мае 1726 г. Ф. Поликарпов был восстановлен в должности директора московской типографии. В результате Максимович оказался без покровителя перед лицом недоброжелателя, так как Поликарпов явно не собирался терпеть креатуру Гавриила Бужинского, который возбудил в 1722 г. против него дело. Вскоре после восстановления Поликарпова открылась недостача, последовал донос, подозрение пало на бывшего мазепинца, и уже в декабре 1726 г. последовал указ Синода об его «отрешении от типографии».³⁷ В течение полугода Максимович сдавал библиотеку А. Иванову по составленному ими вместе каталогу, а в мае 1727 г. навсегда распрощался с Печатным двором.

Максимович вновь попал в ведомство Коллегии иностранных дел, получил небольшие кормовые деньги и распоряжение «в знатные города и места отнюдь не съезжать». О литературных трудах последних лет жизни Максимовича сведений нет; известно только, что в октябре 1728 г. (в двух списках указан март 1730 г.) он перевел с латинского пособие по медицине «Ковчежец медицинский».³⁸ О его настроениях этого времени говорит подпись «пребедный страдалец малороссиянин Иван Максимович».

³⁴ ГБЛ, собр. Ундольского, № 1285—1288; Научная библиотека им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова (Ленина), № 4461—4466.

³⁵ Обзор литературы см. в кн.: Луннов С. П. Гиппа в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973, с. 299—307; Слуховский М. И. «Каталог универсальный» 1727 г., с. 75—85.

³⁶ ГБЛ, собр. Ундольского, № 1285, л. 83 об.

³⁷ См. изложение дела: ЦГИА, ф. 796, оп. 7, № 322. Ф. Поликарпова, кстати, не остановило даже то обстоятельство, что после «отрешения» Максимовича в крупнейшей типографии страны остался только один справщик, А. Иванов; см.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве... синода. СПб., 1883, т. 6, с. 469.

³⁸ См.: Змеев Л. Ф. Русские врачевники. СПб., 1896, с. 130—133; Соболевский А. И. Из переводной литературы Петровской эпохи. — СОРЯС, 1908, т. 84, № 3, с. 17—18. Известны следующие списки XVIII в.: ГПБ, Q.VI.12; ГПБ, СПб. ДА. № 411; ГИМ, собр. Уварова, № 309 (4°); ИРЛИ, Древлехранилище, оп. 24, № 125.

В конце декабря 1730 г. на Украине пронесся слух, что Максимовичу разрешено вернуться на родину,³⁹ но вряд ли он был верен: все время стремившийся на Украину Максимович умер в Москве 1 августа 1732 г.

Многое в творческой биографии Максимовича выдает типичного литератора петровской эпохи. Это и случайное начало литературной деятельности бывшего войскового канцеляриста, и замечательное разнообразие его трудов. Между тем на общем фоне культурной перестройки в петровскую эпоху многое и отличает Максимовича от самого распространенного писательского типа эпохи, «грамотея, пишущего по заказу», «литературного поденщика». Судьба Максимовича отражает другую сторону переворота в литературном быте при Петре I, когда «писатель стал частным человеком, частный человек стал писателем».⁴⁰

Частный, личный характер литературных занятий Максимовича виден уже в метаморфозе войскового канцеляриста в переводчика; цель его перевода — «мысль унывающую врачевати». Затем он несколько лет собирает словарь ради «собственной нужды», «собственной корысти». «Самому единому себе в тайных угождати»⁴¹ — вот первоначально основная цель творчества Максимовича. Писательство для себя совсем недавно появилось в России, и «самоврачевание» бывшего мазепинца особенно ярко выглядит в сравнении с неудержимой страстью к печатному станку его дяди, слышшему уже среди современников графоманом. Оставшееся в рукописи стихотворное описание путешествия из Чернигова в Тобольск («Путник») митрополит Иоанн Максимович завершает обращением к своим ученикам в Чернигове:

Печаль мя повседневно едина снедает,
Яко труд мой без тпшу долго прсбывает.
Господь мне поссбствова много напсати,
За многи грехи тпшу не даде предати.⁴²

По трактовке литературного творчества два современника, два выученика одной школы, дядя и племянник принадлежат разным литературным поколениям. Первый, прямо понимавший творчество как «расширение» или «умножение словес»,⁴³ наполнял культуру словами, а второй — словесными вещами, создавая словарь, каталог, лечебник, «особую табель летописцом».⁴⁴ Первый — наследник полигисторизма Симеона Полоцкого, второй — предшественник энциклопедизма В. К. Тредиаковского.

В литературной позиции обоих есть и общее: они пишут по внутреннему убеждению, по внутренней необходимости. Иван Максимович попытался сочетать призвание со служением «общественной пользе», но безуспешно и был обречен на писательство для себя. В его биографии отразился основной парадокс литературной культуры петровской эпохи: высокий профессионализм литераторов при невысокой репутации литературы. Для разрешения этого противоречия был нужен и новый тип писателя. При ускоренной динамике культурной жизни России он появился довольно быстро,⁴⁵ однако И. Максимович к этому времени был уже

³⁹ См.: Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859, ч. 1, с. 360.

⁴⁰ Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху. — В кн.: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. (XVIII век, сб. 9). Л., 1974, с. 125.

⁴¹ БАН, 32.6.2, л. XII, XIII.

⁴² ГПБ, Q.IV.372, л. 148 об.

⁴³ См.: Иоанн Максимович. 1) Богородице дево. Чернигов, 1707, л. 18; 2) Осм блаженств евангельских. Чернигов, 1709, л. 1 об.

⁴⁴ Ср.: Панченко А. М. Два этапа русского барокко. — ТОДРЛ, Л., 1977, т. 32, с. 100—106.

⁴⁵ См.: Степанов В. П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. — В кн.: Русская литература XVIII—начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983, с. 105—120 (XVIII век; Сб. 14).

забыт.⁴⁶ В приложениях публикуется письмо И. Максимовича к сестре по рукописи ЦГАДА, ф. 124, 1716 г., № 5 и две элегии из «Желаний благоговейных» (кн. I, 15; кн. II, 10) по рукописи ГПБ, собр. Титова, № 4492 (далее: Т), с исправлениями по рукописи ГПБ, собр. Михайловского, Q.118 (далее: М); арабские цифры на полях отсылают к мифологическому комментарию, который печатается после текста элегий.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вселюбезнейшая милостивая пане сестро!

Бога ради, умиласердия надо мною, нищим и странным, об единогоутробном, братом своим. Не презри слез моих, но призри на последнюю нищету мою и нынешнюю печаль мою, а знаючи, яко чужд чем (так! — С. Н.) ныне от вас и страмен сыном матери моя отчизны, благоволи от благоутробия своего брашна и пития, чем сами в доме своем питаются, и меня здесь странствующаго препитати. Ведаете бо, яко хлеб сердце человеку укрепит, а вино взвеселит. Я того укрепления и веселия в нынешней скорби моей от вашего благоутробия братерско, а покорне требую: скорбящему дадите от сикера для увеселения, а алчущаго накормите ради бога и ради далних услуг своих. Понеже мы хотя в крайней по сие время нищете и для той скорби надеемся (так! — С. Н.), однако ж не отчеваемся милости божии и православного монархи своего, яко он, всемилостивейший государь наш, нас бедных, властью и лестию мазепиною // уведенных, а от произволения своего паки под протекцию его царского величества пришедших, по неизреченному милосердию своему помилует, и яко уже за предстательством ходатаев наших получили мы здравие наше неповредна и житие на Москве свободна, там еще надеемся, по обнадеживанию ходатаев наших, за их же предстательством не только получить^а совершенну свободу быть на Украине, но и ческую первой милости монаршой, что будем и в вогчинах своих и имети станем по милости его монаршеской быть на Украине милостивное определение. Ежели сам господь бог до того времени жития моего не прекратит, я получу милость вышеписанную монаршую от ходатаев наших по своему обещанию, то и сим богом моим кленуся, что сию любовь вашу, которую мне теперь вы явите, со сторицею вам на тот час награжду, только теперь мне утрите кровавые уста. А и теперь бы вам не прикрылся прощением моим, если бы его царское величество на своем престоле обретался, а то и сам его величество в чужих землях трудится и ходатаи наши там же с нужными делами затруднены. Того ради до вас просим, чем бы до указанного времени прокормиться удаемся. Когда чрез посыльщиков гетманских к Москве изволили ко мне наказывать, что ради бы де нищету мою подмогати, только // не имеют до пересылки способу, теперь же — благодарение богу! — получили мы доброй способ, понеже от благодетелей наших из государственного посольского приказу дан подорожной лист, за которым до снеди и пития надлежащая вещи могут безопасно пройти к Москве, которой подорожной лист посылается на руки его милости пана Андрея Горленка, и вы с ним согласитесь, когда он будет к отцу своему посылать запас, за тою же подорожною ко мне с его людьми приплите то, что вам сам господь бог на сердце пошлет, а мне тут наипотребнейшее сало, пшено, винце, сердце увеселяющее, и тютюнец, из головы меленхолию выбивающе, а п денежек, по милости своей сестри-

^а Испр., в ркп. получили.

⁴⁶ Имени И. Максимовича нет ни в «Словаре русского, украинской, белорусской письменности до XVIII в.» И. У. Будовица (М., 1962), ни в словнике «Словаря русских писателей XVIII в.» (Л., 1975), составленном В. П. Степановым.

цыне, рубликов с пять—шесть для нуждицы моей пришлите, чего если я не отдам, господь бог воздаст за мя.

Не пишу до единоутробной сестре нашей, ее милости пани сотниковой Баришевской, там же и до ее милости панне Акулине енеральной, моей милостивой пане сестре, и дабы радейно и до протчих сродственных наших особых листов. Может ваша милость и мой лист, до себе писанный, им представить и до протчих чрез оказию послати и радети им, дабы умилиосердившись над мизериею моею, чем сколько, что им бог на сердце положит, подпомогчи меня изволили, за что паки желаю отслужить буду, только пушай мне на сей час // от гладу не дадут погибнути. Сам господь бог видит, что давно бы уже з голоду погиб, естли бы он же духом своим не дхнул преосвященного схимонаха Лещинского и преосвященного архиерея Косовского, которыи, памятуочи любовь к себе родителей наших, запасом и денежками вместо милостыни обдарили мя. Преосвященный резанский отец Еворский, досыть добрый приятель по некакому родителю нашего, доселе ничем не осмотрел меня, сироты непознаваючи.

Болше писанием моим (...) ⁶ толко с присылкою не отпустить сей оказии покорне так самой вашей милости, пане, яко и протчих сродственных своих просячи, тем кончу, что есть всех вас до скончания жития моего нескончаемо вашей милости панне в зычливых обленговенные слуги

Иван Максимович.

Желания благоговейные

Исчезе в болезни живот мой, и лета мои в воздыханиих.

Л. 15

Псалом 30, стих. 11.

Не достоин ли воздыхати, яко есмы на земли чуждей и во страну далечайшую от отечества изгнаны.

Л. 35 об.

200 Златоуст гомил. на псал. 115.

Глава XV

- 1 Сия ли в рождение мое бысть планета,
Да всяк мой день обыдет темных скорбей чета?
Вся дни моя повсегда в бедах изнуряю,
Аще и светло себе утро предвещаю.
Но ни един еще день бысть мне просвещенный,
Зане всяк прешедший есть скорбми помраченный.
Чаях частии житие разделено быти,
Скорбь радости, радость скорби взаим пременити.
Равно яко же солнце всю тму прогоняет,
Егда день подсолнечным ясный поставляет,
И яко луна хотяй возбудити море,
Мещет ветры во воды на большое горе,
Сиде мнех, окаянна, моей быти доли,
Еже совершатися всем по моей воли. //
- Обаче печаль моя толь есть болезненна,
По мужу слезам женским ниже есть сравленна,
Дванадесять месяцев по мужу сетует,
Гроб и дом оплакует, егда удивствует,
По сих умышляет жалость низложить
И вретипце на светлы ризы пременити.
Вся лета, вся месяцы, вся дни моей жизни
Исчезают в печалех, в скорбех и в болезни.

Л. 36

⁶ Очевидно, в ркп. пропущено несколько слов.

Несть средств на жалость мою и ^а несть закона,
 Беда беду рождает весьма нескончона.
 В слезах, в воздыханиях, в воплех пребываю
 И малейший час жизни в сих аз изнуряю.
 Многожды волнение ветр силен возводит,
 Но краткое елижды сверепей находит,
 Зима з древес листвия люте восхищает,
 Но сия паки весна оным привращает.
 Часто и воздух движет облака дождевы,
 По сих лучи являет светлейшия днєви. //
 Мне же смерть соплетает узы нерешимы
 Скорбей, яже не чаю быти разрушимы.
 Плачевна не престаєт бряцати цєвница,
 Перси — гусли, жаль — струны, цєвничник — десница.
 При сих гуслєх и нощи и днєи провождаю.
 Все жития моего время истошаю.
 О! коль краты тяжесть духа тщахся сокрушити,
 Внегда в недрах глаголы жєлах утаити!
 О елижды дєнь бѣше, весь во скорбєх бѣше,
 Нощи вся, яже имєх, вопль мой провождаше.
 Не стєнати елижды имєях увєты,
 Стєнанию запрєтити прилагах наветы!
 В радость разрешити ся совет ваш бѣсть, друзи,
 Абѣе вся рєшилєм весєлия узы?
 Но егда вопль мой смєхом хощу укротити,
 И при смєху силен єсть вопль мой возшумєти.
 Множицєю жєлая аз мирно уснути,
 2 Но в слєзах утренюю нощи вся минуты. //
 Ащє жє заключаю плач в сєбє крєпчєе,
 То яко морє от волн бєжит жєсточєе.
 Вы єстє свидєтели,^б дєбри и потоки,
 Удолия и холми, коль плач мой жєстокий.
 Вєстє, с воздыханием колико аз брахся,
 Но стєнанием сєрдца всєгда побєждахся.
 3 И само єхо воплєм моим подвижєнно
 Жалостныя отглашать гласы убєждєнно.
 4 То аз, то оно в воплєх и ламентєх выну,
 Плачємся и стєнєм взаим на прємену.
 5 Яко пандионийски отєвєт имут сєстры,
 Егда своих жалостєй счѣтают рєєстры.
 Плачєтся Прогнє, лѣжа мужєм осквєрнєнна,
 Рыдаєт Филомєла, дєвства си лишєнна.
 Една другую в воплєх своих вспомогают,
 Обє слєзящи жалость свою воспєвають.
 6 Тако и Алциона гибєль мужа в морє
 Рыдаєт, возвышшѣя гласы своя горє, //
 Или яко горлица, друга си лишєнна,
 Стєнєт непрєстанно многоблєзнєнна.
 Сѣцє єсть и живот мой на сєм основанный,
 Да ни єдин єму дєнь прєидєт бєзпєчальный.
 Повсєднєвно наводѣт жизни моей борбѣ
 Непрєстанны болєзни, непрєстанны скорби.
 Но яко вопль бѣсть моим глаголом начало,
 Вoplєм ся и житиє дабы окончало.

^а Доб. по М; в Т нет. ^б Испр. по М; в Т свидетели.

1. Планет на небесех астрономы семь счисляют, // яко то Солнце, Луну, А. 131—
131 об.
Ермиа, Ариса, Зевса или Дия, Афродиту, Крона и сия суть на небесех светила бодшая и многодействительная.
2. Минута есть часть 15 в четверти единой часа, а в целом часе всех минут есть 60.
3. Ехо есть глас отбияние или отглас, что обыче бывати в лесах, при реках и в прочих местех, где глас о воздух свободно ударяет и ударение его свободно в воздухе распространяся, отглас гласа людскаго соделовает.
4. Ламент есть с воплем и въздыханием сетование.
5. Пандон бысть король афинский имей двѣ дщери, едну именем Прогну, а другую Филомелю, и даде дщерь Прогну королю фрацкому Терѣю в супружество. Прогна, пребываючи немалое время во Фракии, поскучила и моли мужа своего Терѣа, да шед в Афины умолит отца ея Пандона отпустить к ней посещения ради сестру ея Филомелю. На что Пандон со//изволил, и когда Терей бысть с нею, Филомелею, в пути, А. 132
ражжегся похотию плотскою, насилствова Филомелю, что да не све-
дает жена его Прогна, уреза Филомели язык, самую же даде в узи-
лище сокровенное в престолном граде своем, приказав блюсти ю еди-
ному от вернейших рабу своему. Сам же пришед к жене поведа, яко
отец ея Пандон отпустил бяше по прошенію его сестру ея Филомелю,
но сия, не стерпя морскаго плаванія, с единой тоей нужды окончала
жизнь свою, о чесом Прогна бе на мнозе печална. По сем Филомеля,
сущи в узилищи, изобразивши иглоу на лентии всю свою от Терѣа
ставшуюся обиду, посла оную тайно до сестры своея Прогны чрез
едину рабыню. Что познав Прогна снисходила до времени толикия
обиды мужу своему. Приспевшу же нарочитому дни праздника всена-
роднаго и царю, мужу ея, отшедшу к людем на торжествование, // она, 132 об.
Прогна, сама иде в то узилище и изъавши оттуду сестру свою, введе
ю с собою в царскій чертог, ярящися же на мужа своего рвением
неутолимым, закла сына своего единокровнаго именем Итиса, и при-
шедшу мужу представи во снѣдь уготованнаго. Иже сед яде неведый.
При концу же трапезы, когда Филомеля по поставленію сестры своея
принесе пред его на блюде главу отрочате, он се видя разгневался зело
и от ярости устремися на убіение их, они же его бежасте. З сего
поэты составиша фабулу, аки бы бози, милосердствуя о них, да избе-
жат от рук его на убіение гонящих, Прогну в ластовицу, Фило-
мелю же в славия, Терѣя в удода, Итиса же в птицу бажанта претво-
риша. И пишут поэты, аки бы сего ради ластовица под здом хранины
пребываючи, плачется ложа мужем оскверненнаго; славий, си есть Фи-
ломеля, рыдает в лесах за насилство себе зделанное; удов//же аки ко- А. 133
рону или шлем воинскій примером Терѣа короля фрацкаго носяй на
главе, ищет вездѣ сына своего Итиса, глаголющи: «Тут, тут, тут, тут,
тут»; бажант же птица, нам несведомая, в реце Фази у колхов раж-
дается и от реки тоя именуется фазіан, иже между первейшими яст-
виями на трапезах господских поставляется.
6. Алкиона, дщерь короля ветром Еоля, жена же короля фрацкаго име-
нем Ксевкса. Сей Ксевкс, ищущ брата своего, когда поплыве на море,
и на уреченное время в дом свой не возвратися, Алкиона уразуме
смерть мужа своего и сама вержеся в море и утопе. З сего поэты
соплетоша фабулу, аки бы бози, милосердствующе о толикой любви
их, обратили обоих в птицы морскія алкионы, си есть зимороды
именуемыя. Сии птицы неисходно на мори пребывают, яйца несут и
птенцы // своя выводят среди самыя зимы, когда обыкла есть велия А. 133 об.
бывати тишина на мори, о чем пишут натуралисты, и плаватели мор-
скіи дни тыя, в ня же тишина бывает, нарицают алкионіа. Поэты же
мудрствуют, яко Еол, царь ветром, отец Алкионы, и титан, то есть

солнце, отец Ксевкса, плодородия ради детям своим так велию тишину
посреде зимы дарует на мори дондеже детица своя дети их выведут.

Л. 58

На ложи моем в нощех исках, его же возлюби душа моя.
Исках его и не обретох его.

Песни песней, глава 3, стих 1.

Л. 58 об.

Возлюбленного на ложи ищем, егда в малейшем жизни сея
упокоении о избавители нашего желанием воздыхаем,
в нощи ищем, ибо аще о нем мысль и утренюет, обаче
еще слепотствует.

Григорий, омил. 19 на Иезекииля.

Глава X

1 Чысты обеты моя, музы, воспевайте,

Но ничто же о брачных ложах возвещайте,

Яко плоть, тако и дух свой си пламень палит,

Но далече малейший пламень тело свалит.

Егда огнь возгорится внутрь уду духовный,

Истинныя любви сей есть един виновный.

О! коль сим огнем души горят блаженнее,

Коль дают лобзания друг другу истее!

Коль грядет в объятие друг другу приятно,

В узах святых коль их суть рuce неизъятно!

Весь жених в непорочной любви пребывает,

Союз чистен невесте свято сохрaняет. //

Л. 59

Вся союзы чыстыя и ложе нескверно

Во дни, в нощи, и рано, и в время вечерно.

Постеля не лебедя пухом исполненна,

2 Ни волною Амикли сия украшенна.

В каком сочетаются чыстыи чертозе,

Никоея постоят скверны тамо позе.

Ложе послано щастьем толиких люблений,

Мысль есть упокоенна от всяких томлений.

О ложе! покой души, ложе, огнь небесный,

Ложе звездами брак свой просвещая честный.

Ты жениха и души чертог украшенный,

Един сия светила имети почтенный.

О тебе размышляя, нощи провождаю,

Всяк покой и сон сладкий от мя отвращаю.

На сем мой возлюбленный обыкл почивати

Ложи и в неложной любви бодрствовать.

И яко любовию аз к нему разжженна,

Тако жжет любовь его ко мне возгнеченна. //

Л. 59 об.

Не гласом взываемся, ниже в стези рыщем,

Но друг друга желанми со слезами ищем.

Но не вем, кая вина твоего исхода?

Боюся, не грех ли мой претит ти вохода?

Ибо весь день не видех zde тебе отшедша,

Не вижу тебе семо и в нощи пришедша.

Се ли есть знамя любви негли измененной,

В лучшем ли лежишь ложе? Ах мне, оставленной!

Увы мне, в слезах преиде нощь, жалость влекуща,

Нощь претрашна, на одре тебе не имуща.

Уже луна беглая ста посреде неба,

Очи сном отяготить^в в первоты^г потреба.

Се в тонце сне видится, глас слышу на одре:

«Встани, уготовися, жених, бежать бодр».

^в Испр. из первоначального отяготи.

^г Испр. по М; в Т первосны.

Воспрянух в тот час от сна, протираю очи,
 Главу лактем содержу, яже з сна изскочи.
 Многим воплем, но празден чертог наполняю,
 «Спиши ли ты, свете мой?» — гласом воззываю. // л. 60
 Увы мне! никоего приемлю ответа,
 Избежал, пусто место моего клеветра.
 Абие стопы его взысках со свещею,
 Уне бы их не видеть очию моею.
 «Повеждь мне, — глашу — ложе, где мой возлюбленный?
 Повеждь мне, камо бежа и чим озлобленный?»
 Бегаю, изступ ума аки бы имея,
 Плачуся, аки плакась жена Алексиа.
 Многи скорби душу мне пройдоша падежа,
 Ей же прежде ложе бысть покой без мятежа.
 Мысль люта нечаянно буря возмутила,
 Неведущу злым ветром простерти ветрила.
 Сердце мне от бед изспе, как земля безводна,
 В нем же радость первее процвете всеплодна.
 Очи поднести на небо тяжкий труд имею,
 Усты деять молитву, ах! недоумею.
 Силы тещи на подвиг благий оскудеша,
 Яже за играние сей прежде имеша. // л. 60 об.
 И ничто же болше помысл разжизает,
 Точию что жениха видети желает.
 Внегда бо не вредило от бед мне ничто же,
 Покой сладкий тогда бысть сие мое ложе.
 Ныне аки новый неискусный воин,
 Кий языком все брани победить пристоиц,
 Желая главу мою горкой предать муче
 Или душу отдати паче богу в руке.
 Пламень аполоний в шипок аз вменияю,
 Коло Екатерины игру быти чаю,
 Раны же Агафии за венцы прекрасны,
 Кротко овня мною быки вландины ужасны.
 Мучения лютая, лом костей, вся страсти
 И вся мук орудия мною за смех и сласти.
 Тако бо огнем сердце любовь разъярила,
 Егда прежде на одре злат покой имела.
 Но отшедшу жениху, отыйде и пламень,
 Мысль мне оледенеса над мразный скифск камень, // л. 61
 Яко егда свереп ветр с мразом вдруг бывает,
 Летния кринов цветы люте поядает,
 И яко гаснет вскоре светилник возженный,
 Егда нань повеет ветр от юга верженный.
 Ах! всуе на сем одре дерзнух тя искати,
 Женише, ты на кресте изволил лежати.
 Ложе мне бысть покойно, крест ложе ужасно,
 На нем же ты, свете мой, искать было ясно.
 Свете мой, в исканиях погубих ночь прямо,
 Где бо ты не обрести, поисках ты тамо.

1. Музы или Мусы поэтам, си есть стихотворцом, // и музыкантом собственныя по еллинскому мудрованию богини, откуда мусикийское пение и играние и в божественном писании поминается. Поэты о них баснословят, что они на горе Еликоне купно с Аполлином пребывающии пением и игранми по вся часы упраздняются. л. 137 об. — 13
2. Амикля едина от дочерей Ниовых, о ней же поэты баснословят, что Латона богиня, возлюбивши ея от детска, чрез все житие ю в мягких пернатных постелях неисходну, сладострастия ради содержала.